

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

В книге «Историомор» собраны работы о соотношении памяти и беспамятства, политики и истории: проблематика, которая, увы, не перестает быть актуальной.

Книгу, помимо введения и заключения, составили четыре раздела.

Первый — «Память о ГУЛАГе и депортациях» — объединил статьи и заметки о советских репрессиях и преступлениях, а также о соответствующей советско-российской исторической памяти и историографии.

Второй — «Память о войне» — посвящен немецким преступлениям во Второй мировой войне и тому, как они преломляются в советской историографии.

Третий — «Рыцари памяти» — посвящен отдельным личностям (хронистам, писателям, журналистам) и институциям (музеям), с которыми меня сводила жизнь или работа и чей вклад в сохранение исторической памяти представляется мне достойным и значительным. С четырьмя из них — Леонидом Котляром, Тамарой Лазерсон, Ильзетруд Липпхардт и Машей Рольникайте — мне выпала честь быть знакомым лично (в этом же ряду для меня имена бывших гулаговцев Семена Виленского и Льва Хургеса, бывшего остовца Василия Баранова и военнопленного Георгия Хольного): их рыцарственной памяти посвящается эта книга.

Наконец, четвертый раздел — «Агенты беспамятства» — посвящен отрицанию и отрицателям Холокоста как одной из самых распространенных форм Историомора (зарисовки иных «агентов беспамятства» встречаются в других разделах книги). В этом же разделе и обоснование идеи Исторического арбитража как возможного ме-

ханизма для разрешения научных споров, а на основе разрешения научных споров — и политических тяжб.

Работы, положенные в основу книги, писались в разное время: все они заново пересмотрены и переосмыслены. В ряде случаев эмпирика актуализирована, а в некоторых в текст добавлены «постскрипумы» — специальные авторские пояснения как бы из сегодняшнего дня (они маркированы знаком «P.S.» и выделены шрифтом — полужирным курсивом).

Для визуализации был отобран только один сюжет — мемориализация принудительных миграций, фотографии памятников и памятных знаков, посвященных жертвам советских депортаций. С благодарностью отмечаю тех, кто помог мне с подбором соответствующих иллюстраций: это Виталий Белозеров, Владимир Бобровников, Аркадий Герман, Виктор Кригер и Хава Хазбиева.

Вопросы, затрагиваемые в книге, автор в разное время обсуждал с рядом коллег: это Алексей Берелович, Миша Габович, Семен Гольдин, Виктор Кригер, Алексей Миллер, Ганс-Генрих Нольте, Александр Осипов, Сергей Палаш, Дмитрий Перченков, Николай Поболь, Зарифа Саутиева, Софи Турнон, Ирина Флиге и Александр Эткинд. Спасибо им!

Особая признательность Георгию Рамазашвили и Александру Бабенышеву, ознакомившимся с книгой в рукописи и сделавшим ценные критические замечания.

В книге приняты следующие сокращения:

АПРФ — Архив Президента РФ.

ВОВ — Великая Отечественная война.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГКО — Государственный Комитет Оборона СССР.

ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека РФ.

ГУПВИ — Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР.

Кадырова, то не честнее было бы просто переименовать город Грозный в Кадыров-Аул?

Или другой пример — осуждение геноцида армян. Насколько историчен законопроект, вносимый в Госдуму на сто первом году после самого геноцида и... назавтра после того, как Турция сбила российский самолет?!

Оптика и строение памяти

История войн обречена на множественность интерпретаций и, соответственно, на множественность историографий. У истории любой войны — их всегда априори как минимум две — «от победителей» и «от побежденных», и обе находятся друг с другом в непростых, часто конфликтных отношениях.

К тому же и победители, и побежденные редко встречаются в одиночку, чаще — в коалициях, пусть и переменчивых. И каждый их член после войны будет выстраивать свои отношения друг с другом и с дочерью Мнемозины. Даже если национальные нарративы и национальные историографии (с нелегко, но все же достигнутым внутренним консенсусом) уже имеются, то вместе, друг с другом, они составляют ярко выраженную какофонию.

Уже в этом одном запрограммирован будущий конфликт и война национальных историографий, внутри которых почти неизбежны своя поляризация и свои внутренние разборки. Например, между слугами государственного официоза и сервиллизма, с одной стороны, и свободными от него историками, силящимися сохранить свою честь и верность Клио. Обе стороны, конечно, нуждаются в архивном обеспечении, но первая может без него и обойтись: ей достаточно горстки «правильных» (или «правильно» отобранных) источников; главное же для нее — политические установки

и мемуары военачальников. Вторая — от архивов зависит и без них буквально задыхается.

Этим войнам памяти часто не хватает не только априорного стремления к фактографической объективности, но и общей культуры и элементарной корректности ведения. Аренами «сражений» оказываются не только такие громоздкие «вещи», как музеи, или громкие как телешоу, но и работа в архивах, программы конференций и страницы публикаций.

«Войны» внутренние — в определенном смысле гражданские — могут быть и погорячее: в СССР, например, за участие в них не на той стороны запросто можно было попасть в ГУЛАГ (при Сталине) или в проработку-ошип (при Хрущеве и Брежневе¹).

Самое поразительное, что в основе всего этого искрящегося при соприкосновении многообразия — в сущности, одни и те же эмпирические факты: сражения, операции, погода, потери и т.д. В этом как раз и кроется слабенькая надежда — надежда на то, что когда-нибудь те или другие воюющие стороны сверят свою эмпирику и как-то договорятся. Но первейшая для этого предпосылка — почти невыполнимая: открытость и общедоступность всех архивов...

Так как же соотносятся историческая эмпирика и историческая память о ней? Как зеркало и оригинал? Или все просто зависит от оптики — прямизны или кривизны (сфальсифицированности) — зеркала?

Разумеется, память нуждается в структуризации, как минимум в различении исходных ракурсов:

— память жертв, память палачей, память сторонних наблюдателей и свидетелей;

— память индивидуальная и коллективная, локальная и региональная;

¹ Классический случай — Александр Некрич с его «22 июня 1941 года» (1965).

— наконец, память честная и лукавая, то есть намеренно — пропагандистски — сфальсифицированная (разновидностью чего является и насильственное — цензурное — умолчание) или, хуже, подмененная (это происходит сейчас с «Пермью-36», где руль перехватили кургиняновские «вохровцы» из «Сути времени»).

Иногда эти агитация и пропаганда настолько не интересуются исторической реальностью, что путают, не моргнув, Украинский фронт с украинскими войсками.

Наконец, борьба может идти и за бренд самого слова «память»: посмотрите, какие разные институции так или иначе схлестнулись в этой борьбе — антисемитское общество «Память», антисталинистское общество «Мемориал», промидовский фонд «Историческая память»!

Все они (кроме разве что «Памяти») особенно значимы постольку, поскольку берут на себя и будничную работу памяти — организацию устных дискуссий (чтений и конференций) и соби́рание и издание эмпирики: библиографий, баз данных (таких как «Книги Памяти» или различные расстрельные списки), сборников документов и эгодокументов, монографий.

Эта будничная работа, кстати, — и есть самое главное, ибо она неумолимо ограничивает спекулятивные возможности множественных интерпретаций. Например, двуязычный польско-российский сборник «Варшавское восстание 1944 года в документах из архивов спецслужб», вышедший в 2007 году: факты, представленные в этой 1500-страничной книге с обеих сторон, не воюют друг с другом, а сообща создают отчетливый образ тех трагико-героических событий и плацдарм для успеха истории, а не историомора. Интерпретаций может быть и несколько, можно насчет них и поспорить, — но историческая фактография не теряет от этого своей устремленности к единственности и однозначности!

Но есть еще один внутренний конфликт памяти, выдвигающийся на первый план именно в период по-

литического и геополитического напряжения. Это — гражданские холодные войны, перманентная борьба истории как науки и истории как «исторической политики» (в понимании Алексея Миллера¹), то есть прямого заказа власти — в рамках ею же, властью, себе дозволенного. Иные историки, правда, не дожидаются госзаказа: нос у них по ветру и обоняние — отличное. «Награда» находит их, как правило, и без госзаказа.

Властью же может двигать не только идеология, но, например, и своеобразный экономический прагматизм — стремление избежать выплат каких-то компенсаций, например.

Силы тут неравные, и именно этот конфликт, это триумфальное торжество политики и антиисторизма, собственно говоря, и есть «Историомор».

Его основные проявления достаточно очевидны:

- табуизирование тем и источников («Не смей!»),
- фальсификация и мифологизация эмпирики («В некотором царстве, в некотором государстве...») и
- отрицание или релятивизация установленной фактографии («Тень на плетень!»).

По всем этим трем линиям на историю давит политика, как актуальная, так и ретроспективная, подстраивающая прошлое под сегодняшнее.

Со временем, стратегически, — то есть по мере введения в оборот и верификации все большего числа первичных источников, — «победа» все равно останется за историей, а не за политикой, но чем шире открыты архивы — тем раньше это произойдет.

Стоит заметить, что аналогичная проблематика знакома не одной лишь истории, но и другим наукам, например социологии, демографии, даже географии. И что агрессивная зачистка грантового ландшафта России, изгнание из него иностранных или международ-

¹ А то и недозволенного: фальсификация — тоже оружие историомора.

ных фондов не что иное, как классическая для России централизация и вертикализация этого поля, дающая власти дополнительные рычаги влияния на ситуацию и обеспечение нужного себе политического результата. Иными словами — на введение сиюминутного «историомора» в реальную жизнь.

Однако в каждый конкретный момент времени торжествует, увы, именно политика, определяющая ориентиры и рамки для работы ангажированных ею «карманных» историков и создающая рогатки для работы историков независимых и несервильных.

В советское время эта проблема была не так остра. Одной «Старой площади» — то есть аппарата ЦК КПСС с его отделами и подотделами — было совершенно достаточно для поддержания в форме идеологического фронта и пропагандистского противостояния внешним и внутренним врагам. Все необходимые «инструменты» были буквально под боком, через дорогу: как то КГБ («Лубянка») или Всесоюзное общество «Знание», уютно разместившееся под боком, во двориках Политехнического музея.

В условиях выборной демократии такая модель руководства не срабатывает. Отчасти поэтому постепенно в Восточной Европе — в Словакии, Польше, на Украине — выработалась модель Института национальной памяти. Очень скоро оказалось, что такие институты трансформировались в классические оруэлловские Министерства Правды. Злоупотребления чувствительной архивной информацией, оказавшейся в их распоряжении, обусловлены поручениями и заказами, целесообразными с точки зрения находящихся у власти заказчиков, ибо они серьезно влияли на внутривнутриполитические процессы («утечки» о сотрудничестве с органами своих политических оппонентов, например)¹. Несколько не-

¹ О ее ограничениях и даже опасностях см.: Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. Под редакцией

жиданным следствием этого в той же Польше оказались непомерные затруднения читателям в доступе к архивам Института, поглотившего многие ранее уже широко доступные архивные фонды¹.

Историомор, разумеется, не только российское явление. Вспоминаю реакцию японского издательства, выпустившего по-японски мою книгу об остарбайтерах и военнопленных². На мое предложение написать для японского читателя небольшое предисловие издательство с радостью согласилось, а когда прочло — то решительно отказалось: чур, чур меня!.. В предисловии речь зашла о депортациях корейцев и китайцев и об их эксплуатации в годы японской оккупации, но, как оказалось, в Японии, сдавшей на одни пятерки чуть ли не все американские курсы демократии, разговор о японских военных преступлениях все еще был не комильфо.

Едва ли не единственным устойчивым примером противоположного государственного отношения к своему прошлому является Германия — первая в мировой истории страна, сумевшая принять на себя ответственность за случившееся. Никто в мире до этого ничего подобного не делал и, главное, не испытывал желания делать. Но и в Германии многие десятилетия ушли на

А. Миллера, М. Липман. М.: НЛО, 2012. 648 с. См. также: «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения. Лекция Алексея Миллера // Лекции на «Полит.ру». 2008. 7 мая. В сети: <http://polit.ru/article/2008/05/07/miller/>

¹ На Украине ситуация противоположная: доступность архивов превратила Киев в настоящую Мекку для исследователей сталинизма.

² Futatsu no dokusai no giseisha: hitorā to sutārin no omō mamami hakugaisareta sūhyakuman'nin no kakokuna umpei [Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на Родине. / Предисл. Д.Гранина. М.: РОССПЭН, 2002. 898 с.] / Перевод на японский язык Риои Нагасе [Ryoji Nagase]. Tōkyō [Токио]: Nara Shobō [Хара шобо], 2008. 935 р. (на яп. яз.).

избавление от реликтов национал-социалистического мировоззрения и даже законотворчества, а официальное признание элементарного и очевидного факта (советские военнопленные — не военнопленные в смысле Женевской конвенции, а специфическая и непризнанная категория жертв) состоялось только в мае 2015 года (см. ниже).

Историомор многолик, и к одному только государственному насилию или заказу не сводится¹. Корпоративный или даже индивидуальный исторический фальсификат, как и его преподавание в школах и вузах, — тоже соответствует этому термину, как и искреннее нежелание многих, особенно молодежи, знать правду. Конфликты исторической памяти возможны и неизбежны не только в пределах одной семьи, но и в пределах одной личности.

Тематика историомора необъятна, и книга не претендует на ее полное отражение. Но на заострение внимания к некоторым из проблемных узлов, автору, в силу его научных интересов, хорошо известных, — претендует.

Февраль-март 2016 года

¹ Не относятся к нему и издержки начальственного рвения и честолюбия (страсть к писанию, вернее, к подписыванию предисловий, заезжающих в профессиональные области, в которых подписывающее их начальственное лицо не работало и пяти минут). Это не традиция и не пережиток чего бы то ни было, а так — человеческая слабость или глупость, роняющая такого начальника в глазах коллег и сотрудников, особенно в глазах тех, кто готовил ему «его» тексты.

ОТРИЦАНИЕ И ГЕОПОЛИТИКА ХОЛОКОСТА¹

За политические последствия ревизионизма мы не отвечаем.

Я, конечно, сионистов не очень люблю, но я не антисемит, и евреев не ненавижу...

<... > Государство Израиль не имеет права на существование. Что делать с этими евреями? Мы культурные люди, уничтожить их нельзя. Что делать с ними?.. Я не знаю.

Юрген Граф²

Или эти люди и впрямь ничего не знают, или хотят людям в лицо песку сыпануть. Того, что было, отрицать уже нельзя. Ведь оно же было.

Йозеф Эрбер³

Ни единого дня своей жизни я не потрачу на то, чтобы все снова и снова сообщать моему немецкому народу о том, что он истребил мой еврейский народ...

Вольф Бирман⁴

¹ Исходный текст создавался во второй половине 2000-х гг. (см.: *Отрицание отрицания*, 2008. С. 21—104). В настоящем издании отдельные сведения уточнены, но систематической проверки не проводилось, ибо основное в контексте книги — не факты, а обобщения.

² «Обыкновенный ревизионизм». Интервью Николая Караева с Юргеном Графом. 2002, 8 декабря // Сайт «Пуговички»: www.svenlib.sandy.ru/pugovichki/vesti/graf.htm

³ Из интервью Йозефа Эрбера, бывшего начальника женского лагеря в концлагере Аушвиц-Биркенау (*Demant E.* (Hg.). *Auschwitz — «Direkt von der Rampe weg...»*. Kaduk, Erber, Klehr: *Drei Täter geben zu Protokoll*. Rowohlt, 1979. S. 44—45).

⁴ *Каценельсон И.* Сказание об истребленном народе. / Пер. Е.Г. Эткинды под редакцией Ш. Маркиша. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 213—214.

Отрицатели или ревизионисты?

1

История Второй мировой войны — живая: в ней много еще неизученного, неразгаданного, искаженно или даже ложно показанного. Историки перманентно корректируют друг друга, поправляют, уточняют, даже опровергают, завязываются плодотворные дискуссии, способствующие и прояснению деталей, и пересмотру интерпретаций, их фундированной и непредвзятой ревизии. По ходу дела и в жару споров иной раз в прах рассыпаются концепции, рушатся профессорские репутации, и даже целые государства иной раз оказываются в эпицентре позора — в не слишком приятной для себя ситуации фальсификаторов истории и политических лжецов, как, например, СССР в случае с Катынью или Польша в случае с Кельце или Едвабно...

Все это нормальный исторический процесс, и все бы ничего, когда бы под него не хотели сработать те, чьей идеей фикс стало не постижение истории, а ее искажение. Но по плечу ли ризы историчности тем, чей «историзм» целиком сводится, в сущности, к непризнанию Холокоста и, за этот счет, к обелению гитлеровского режима?

После окончания Второй мировой войны в исторической публицистике ряда европейских стран появились работы, подвергающие сомнению многие выводы Международного Нюрнбергского трибунала над нацистскими преступниками. В большинстве стран их авторов называют «отрицателями Холокоста» (Holocaust denier) или «распространителями лжи о Холокосте» (Holokaustleugner).

Сами же себя они именуют иначе — самолюбиво и самопочтительно — «ревизионистами», вменяя себе тем самым неискоренимую склонность к борьбе за истину и, как следствие, к научному пересмотру господ-

ствующих воззрений на основании новодобытых или же наново переосмысленных данных и т.п. Такая терминология и греет их душу, и придает им легитимность.

При этом легитимизация происходит даже через причастность не столько к объекту того, что ими якобы «ревируется», сколько к субъекту — к гранд-даме по имени историческая наука¹. Им хотелось бы быть «второй» и равновеликой «стороной медали», где роль «первой» играла бы писаная история. Мало того, и самое «первую сторону» медали — историю — они норовят опустить до своего уровня: историков, с которыми они воюют, они, «ревизионисты», называют «холокостниками» или «экстерминалистами²», то есть приверженцами некоей другой и равноположной с их собственной «теории», исходящей из столь нелепого допущения, что кто-то евреев уничтожил.

Важная особенность отрицателей: они патологически серьезны. Как гиены, они роются в текстах и свидетельствах, отыскивая в них любую, в их понимании, «слабину». И если что-то «подходящее» вдруг находится, то, словно стая пираний, — дружно, хищно и радостно — они набрасываются на кажущуюся легкой добычу. Если кто-то из очевидцев событий ронял, что видел в Треблинке целую гору обуви высотой, наверное, в 40 метров, то можно не сомневаться, что они припишут этому высказыванию высшую категорию достоверности и чуть ли не краеугольности для «экстерминалистской» истории Шоа, а в «Журнале пересмотра истории» вскоре появится парочка разоблачительных статей с графиками, чертежами и едкими шуточками о 190 миллионах, чья обувь могла бы, судя по расчетам, составить такую «гору». В другой статье будет доказано, — отныне и навсегда, — насколько такое сооружение невозможно.

¹ Именно по этой причине та же Д.Липштадт избегает пользоваться этим термином.

² От английского «exterminate» — уничтожить. Иногда в их текстах встречается и что-то наподобие «холокостники».

Fazit: все очевидцы — продажные лгуны, все «экстерминалисты» — шарлатаны, так что Холокоста, извините, не было!¹

Еще раз переспросим себя: по плечу ли ризы историчности тем, кто даже и не пытается скрыть за шевелюрой рассуждений ослиные уши антисемитизма?..

Так что на вопрос: а можно ли им подавать руку? — ответ вполне определенный: нет, нельзя, эти господа нерукопожатны.

Но просто презирать их, игнорировать, не замечать и не отвечать им — тоже уже нельзя!

Голда Меир как-то обронила: *«Нет, мы не снизойдем до пропаганды»*. Недавним отголоском этого может послужить типичное для израильского истеблишмента высказывание Шимона Переса: *«Хорошая, правильная политика не нуждается в рекламе, она говорит сама за себя»*. К сожалению, это стало одной из составных частей израильского государственного взгляда на мир. В результате Израилю приходится постоянно обороняться и бороться за каждую пядь информационного поля, изначально уступленного безо всякого боя².

¹ См.: *Felderer D. Certain Impossibilities of the "Gerstein Statement" // IHR. 1980. Nr.1.*

² Чем примитивнее пропаганда, тем она порой эффективнее. С.С. Аверинцев рассказывал мне в Вене о демонстрации палестинцев, протестовавших против очередного израильского ответа на очередной палестинский теракт. Они скандировали: *«Ein, zwei, drei — Palästina frei!»* — не больше и не меньше: себя этой кричалкой они вполне разогрели. Другому случаю я был свидетелем уже сам: около двух-трех десятков темнокожих парижан с двумя мегафонами демонстрировали свою солидарность с вандалами, жегшими накануне парижские пригороды. Сменяясь по очереди у мегафонов, они скандировали в такт какому-то древнему африканскому ритму всего одно слово, стараясь делать ударение не только на последнем слого, но и на все остальных: *«Solidarité! So-li-da-rité! So-li-da-rité!..»* Получалось грозно и зажигательно!..

Насколько может преуспеть пропаганда отрицателей и насколько глубоко может «самообразоваться» любой желающий, показывает эпизод, с которого начинается книга *Кенетта Штерна* (Keneth Stern). Он приводит диалог корреспондента телеканала NBC и участника демонстрации противников показа по этому каналу фильма «Холокост», состоявшейся в Нью-Йорке 9 сентября 1979 года. Рядовой демонстрант говорил так: *«Потому что это сионистская попытка навязать американцам комплекс вины, и чтобы мы не могли объективно оценивать нашу ближневосточную политику, стоящую налогоплательщикам миллиардов долларов, выброшенных на израильские военные нужды.*

— Но разве Нюрнбергский трибунал не доказал подлинности Холокоста?

— Нет, сегодня уже ни один серьезный историк не воспринимает их иначе как несправедный суд победителей.

— И что же: евреев в Германии не убивали?

— Нет, в Германии была только дискриминация евреев, и правительство стремилось отправить их в эмиграцию, но не уничтожить¹».

И это — в Америке!

Так надо ли с этим бороться? Доказывать, что дважды два — все еще четыре?

Но безграничная активность и пассионарность отрицателей, — в сочетании со столь же выдающейся пассивностью и постмодернистской кашей в головах неолиберальных политиков и журналистов (а порой и историков), — доказывает: увы, бороться с ними надо!

Но как? «Мараться» о них, участвуя в совместных с ними «дискуссиях»? Доказывать им по пунктам, что они тут неправы и там неправы и почему? Или же вы-

¹ Stern K. S. Holocaust Denial. New York: The American Jewish Committee, 1994. P.1-2.

сокомерно и презрительно улыбаться во время совместных ток-шоу?..

Или не заниматься ни тем, ни другим и полностью передать инициативу в их неленивые руки?..

2

Отрицание Холокоста моложе Холокоста всего на несколько лет: в 2017 году оно могло бы справить свое 70-летие.

При этом с самого начала оно было времяпрепровождением вполне интернациональным.

Первыми начали и некоторое время даже задавали тон французы — сначала убежденный фашист-коллаборант, а потом — убежденный коммунист и социалист. Первый — *Морис Бардеше* (Maurice Bardèche) — еще в 1947 году выступил в печати со своими сомнениями относительно подлинности хотя бы части документов Нюрнбергского трибунала о концлагерях¹: он первым «сообразил», что за нацистскими преступлениями стоят не идеалисты-эсэсовцы, а исключительно суровые военные условия и вызванные ими истощение людей и эпидемии, а также, не в последнюю очередь, и сами узники — люди, как известно, озлобленные и жестокие.

В том же духе, но более изощренной была аргументация *Поля Расинье* (Paul Rassinier), концлагерника и участника Сопrotивления в Бухенвальде и Доре, депутата французского парламента. В 1948 году он выпустил книгу — «Le Passage de la Ligne» («Пересечение черты»), в которой, не отрицая политику террора и уничтожения евреев в концлагерях, вину за все это переложил на так называемых «функциональных узников» — капо, старших по баракам, блокам и т.д.² К тому же он

¹ *Bardèche M. Letter to Francois Mauriac. Paris, 1947; Bardèche M. Nuremberg ou la Terre Promise. Paris, 1948.*

² Как если бы в концлагерях торжествовала демократическая выборность снизу доверху!

Павел Полян (род. в 1952 г. в Москве) — историк и географ, профессор, доктор географических наук. Многолетний научный сотрудник Института географии РАН, Северо-Кавказского федерального университета, Фрайбургского университета и др. Автор и составитель книг «Не по своей воле. История и география принудительных миграций» (2001, англ. перевод — 2004), «Сталинские депортации, 1928 — 1953 (2005, совместно с Н. Поболем), «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем: дебаты о демографии и геополитике Холокоста» (2008, совместно с А. Кохом; англ. перевод — 2011), «Между Аушвицем и Бабым Яром. Размышления и исследования о Катастрофе» (2010); «Свитки из пепла. Еврейская «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау и ее летописцы» (2013; переиздание — 2015). Финалист премий «Просветитель» (2014) и имени Т. Гайдара (2015).

В его новой книге собраны работы о соотношении памяти и беспамятства, политики и истории: проблематика, которая, увы, не перестает быть актуальной. «Историомор» — неологизм и метафора — это торжество политики, пропаганды и антиисторизма (беспамятства) над собственно историей, памятью и правдой. Его основные проявления очевидны: табуизирование тем и источников («Не смей!»), фальсификация и мифологизация эмпирики («В некотором царстве, в некотором государстве...») и отрицание, или релятивизация, установленной фактографии («Тень на плетень!»).

«Эту острополемическую книгу, помимо введения и заключения, составили четыре раздела. Первый — «Память о ГУЛАГе и депортациях» — объединил статьи и заметки о советских репрессиях и преступлениях, а также о соответствующей советско-российской исторической памяти и историографии. Второй — «Дни Победы» — посвящен немецким преступлениям во Второй мировой войне и тому, как они преломляются в советской историографии. Третий — «Рыцари памяти» — посвящен отдельным личностям (хронистам, писателям, журналистам) и институциям (музеям), с которыми автора сводила жизнь и работа и чей вклад в сохранение исторической памяти представляется ему достойным и значительным. Наконец, четвертый раздел — «Агенты беспамятства» — посвящен отрицанию и отрицателям Холокоста как одной из самых распространенных форм Историомора (зарисовки иных «агентов беспамятства» встречаются в других разделах книги). В этом же разделе — обоснование идеи Исторического арбитража как возможного механизма разрешения научных споров, а на основе разрешения научных споров — и политических тяжб.

АНГЕЛЮНИЗМ
проект Давишевской

97

